

ТОМАС
ГАРДИ

В краю лесов

Издательство АСТ
Москва

Глава 1

Если досужему путешественнику захочется по старой памяти или из каких-либо других соображений пройти заброшенным трактом по почти меридиональной линии от Бристоля к южному побережью Англии, то с середины пути он окажется в краю обширных лесов, иногда перемежающихся яблоневыми садами. Здесь деревья — будь то лесные или плодовые — ломают черту придорожных изгородей, бросая на них узоры света и тени, непринужденно протягивают свои горизонтальные ветви над дорогой, словно бесплотный воздух служит им достаточной опорой. В одном месте с холма, на который взбирается тракт, открывается вид на самый большой из здешних лесов, разделенный трактом надвое подобно тому, как густые волосы разделяются светлой линией пробора. Место это пустынное.

Вид заброшенной дороги выражает одиночество гораздо острее, нежели безлюдные доли и холмы, а ее могильная тишина намного выразительнее тишины озер и болот. Вероятно, причиной этому невольное сравнение того, что есть, с тем, что могло бы быть, поэтому шагнуть из-за ограды на белеющую дорогу и на миг задержаться среди ее пустоты — значит внезапно сменить простое отсутствие людей на ощущение заброшенности.

Именно здесь в сгущающихся сумерках зимнего дня и стоял человек, оказавшийся на дороге описанным выше образом. Он только что перелез через изгородь и, нимало

не будучи «избранным сосудом» для лирических переживаний, все же на миг ощутил себя более одиноким, чем за минуту до этого.

Взглянув на весьма щеголеватую одежду незнакомца, можно было заключить, что это не местный житель, да и по лицу его было видно, что направление дороги ему намного важнее, чем мрачная красота пейзажа, пение ветерка или вызванная к жизни воображением зыбкая процессия призраков в старинных каретах. Его не волновал ни труд ушедших поколений, проложивших дорогу на холм, ни бесчисленные путники, утрамбовавшие ее, ни слезы, ее окропившие, ибо времени, отпущенного ему судьбой, хватало лишь для сугубо практических нужд.

Он посмотрел на север, потом на юг и машинально потыкал землю своей тростью. Лицо незнакомца при более пристальном взгляде подтверждало то, о чем свидетельствовал его щеголеватый костюм. Оно выражало ни на чем не основанное самодовольство. Ничто не озаряло это лицо, и не только мудрец, но и простой наблюдатель увидел бы в его выражении полную подчиненность немногочисленным правилам и привычкам и незыблемую в них веру.

Кругом не было — да, казалось, и не будет — никого, кто мог бы указать ему дорогу. Однако вскоре послышался негромкий скрип колес и размеренный постук подков, и в седловинке между деревьями и вершиной холма замаячил одноконный фургон. Вглядевшись, незнакомец сказал себе с некоторым облегчением:

— Это миссис Доллери — она-то мне и поможет.

В фургоне было несколько пассажиров, главным образом женщин. Подождав, когда фургон приблизился, путник поднял трость, и сидевшая на козлах женщина натянула вожжи.

— Миссис Доллери, я тут полчаса ищу дорогу на Малый Хинток, — сказал он. — Я раз десять бывал в Боль-

шом Хинтоке и в Хинток-хаусе, но эта деревушка просто куда-то запропастилась. Не поможете, а?

Миссис Доллери заверила его, что поможет: она сама направляется в Большой Хинток и будет проезжать мимо Малого — это совсем рядом, вверх по тропинке в сторону от дороги, на которую они сейчас свернут.

— Впрочем, — продолжала миссис Доллери, — это такая неприметная деревушка, что вы, городской житель, сами днем с огнем не найдете, ежели заранее не знаете, где она. Боже! Да я бы за деньги не стала там жить! То ли дело Большой Хинток! Тут есть все, что душе угодно.

Он вскарабкался на козлы и свесил ноги так, что лошадь порой задевала их хвостом.

Для знавших эти места фургон миссис Доллери был скорее движимой принадлежностью тракта, чем посторонним предметом, оказавшимся на пути. Ее кляча, чья грива жесткостью и цветом напоминала вереск, а ноги и тело были изувечены упряжью и многолетним тяжким трудом, появлялась на этой дороге почти ежедневно в течение двух десятков лет, хотя полагалось бы ей пастись где-нибудь на восточной равнине, а не тащиться здесь, ибо когда-то это была ладная породистая лошадь. Да и править ею было не так уж легко: коротковатая сбруя все время сползала набок, и хвост не был должным образом пропущен через подхвостник. Лошадь знала каждый малейший уклон дороги на протяжении всех семи или восьми миль от Хинтока до Шертон-Аббаса — торгового городка, куда лежал ее обычный путь, знала так хорошо, как может знать разве что землемер, вооруженный нивелиром.

Черный квадратный кузов фургона покачивался на ходу; от него над головой возницы торчал крюк, за который иногда цепляли вожжи; тогда они свисали с плеч лошади как оковы. Где-то около оси болталась цепь, единственным назначением которой было греметь на ходу.

По дороге миссис Доллери по многу раз приходилось слезать с козел, поэтому она для соблюдения приличия надевала под платье короткие гамашы, особенно в ветреную погоду; на голове ее был не чепчик, а фетровая шляпа, обмотанная платком, ибо у миссис Доллери частенько болели уши. В задней стенке кузова имелось застекленное окошечко, которое хозяйка протирала носовым платком каждый рыночный день перед отправкой в город. Шагая позади фургона, можно было увидеть сквозь стекло квадратный кусочек окрестностей и небосвода, но их то и дело заслоняли профили пассажиров, шевеливших губами и кивавших головами в оживленной дорожной беседе, блаженно не ведая, что их ужимки и гримасы как нельзя лучше видны постороннему глазу.

Для них час дороги домой с рынка был счастливым, если не счастливейшим, часом недели. Усевшись поудобнее, они забывали о горестях бытия и с умиротворенными улыбками рассуждали о жизни, вспоминая происшествия минувшего дня.

Пассажиры тесно сдвинулись в задней части фургона и, пока незнакомец толковал с хозяйкой, принялись обсуждать его, благо скрип колес заглушал их слова.

— Это парикмахер Перкомб — тот, у которого восковая кукла в окне на Эбби-стрит, — сказал кто-то. — Хотела бы я знать, что ему надобно в наших краях. Он ведь не бродячий цирюльник, а настоящий парикмахер. Он даже убрал вывеску, потому что это не благородно!

Они прислушивались к его словам, но мистер Перкомб, казалось, не собирался удовлетворять их любопытство, хотя все время кивал и что-то говорил, но вдохновлявший пассажиров общий разговор прервался с его появлением.

Так они ехали, пока не свернули на еле заметную крутую тропинку, с вершины которой можно было различить в полумиле направо во впадине сады и огороды, словно срезанные с поверхности лесного края. Оттуда в сторож-

ком молчании подымались высокие столбы дыма; воображение могло проследить за дымами до незабываемых каменной очага, обвешанного гирляндами копченых окороков. Это было одно из тех отдаленных мест, где обычно бывает больше раздумий, чем действия, и больше пассивности, чем раздумий; рассуждения здесь строятся на зыбких основаниях и приводят к фантастическим выводам; тем не менее здесь, как и во всех подобных местах, от нагнетания страстей и тесной взаимосвязи коренных обитателей порой разыгрываются драмы истинно софокловского величия.

Это и был Малый Хинток, который разыскивал парикмахер. Сгушавшаяся ночь постепенно поглощала дым, вырывавшийся из труб, но местоположение маленького уединенного мирка выдавали несколько слабых огоньков, неверно мерцавших сквозь безлиственные ветви, среди которых устроились на ночлег пичуги, похожие в потемках на шары из перьев.

От проезжей тропинки ответвлялась тропинка поуже; тут парикмахер сошел, ибо миссис Доллери направлялась в Большой Хинток, чье превосходство над презренным Малым Хинтоком не слишком явствовало из сравнения тропинок, ведущих в эти деревни, но такова уж прихоть судьбы.

— Там поселился очень умный и ученый молодой доктор. Говорят, он в союзе с дьяволом. И больных у него нет, а выбрал он это место потому, что это самая середина нашего края, — сообщила парикмахеру одна из пассажирок, надеясь хоть напоследок узнать цель его путешествия.

Но он не сказал ни слова и углубился во мрак, с осторожностью ступая по скользким опавшим листьям, почти скрывавшим от глаз дорогу и улицу деревушки. С наступлением темноты посторонние тут не ходили, и большинство обитателей Малого Хинтока считали оконные занавески излишеством, именно поэтому мистер Перкомб

мог заглядывать в окна почти каждого дома, очевидно, стараясь угадать местожительство того или тех, кого разыскивал.

Его интересовали дома поменьше, и он равнодушно прошел мимо нескольких домов, чьи размеры, возраст и службы свидетельствовали о том, что и в этих глухих местах жили или живут люди, занимающие достаточно высокое положение в обществе. Запах яблочных выжимок и шипение забродившего сидра, доносившиеся из дворов, говорили о недавних трудах обитателей и соединялись с запахом гниения от волглой листвы под ногами.

Так он прошел пол-улицы. Дом у высокого дерева излучал необычное сияние: зарево, вырывавшееся из печной трубы, превращало дым в мерцающее облако. Увиденное в окне заставило парикмахера решительно остановиться и всмотреться внимательнее. Дом был великоват для деревенского; сквозь приоткрытую наружную дверь длинная лента света падала в ночь. Сонные осенние мотыльки то и дело влетали в узкую полосу лучей и тут же пропадали во тьме.

Глава 2

В доме, распространявшем это приветливое сияние, он увидел девушку в огромном кожаном переднике. Она сидела на плетеном стуле и работала при ярком пламени полыхавшего очага. В правой руке она держала секач, на левую была надета непомерно большая кожаная рукавица. Девушка с поразительной ловкостью обстругивала ветки, изготавливая кровельный прут. Слева от нее находилась кладка гладких ровных прутьев, справа — гора обрезков, которыми и поддерживалось пламя в печи, а перед ней аккуратной стопой лежал готовый кровельный материал. Она брала ветку, критически окидывала ее взглядом, ловкими ударами отсекала боковые отростки и заостряла

ее с обоих концов, придавая им сходство с треугольным концом штыка.

В случае надобности она могла бы зажечь и свечу в медном подсвечнике, который стоял близ нее на скамейке — из тех, на которые ставят гробы. Чтобы придать ей сходство со столиком, на скамейку набили круглую сосновую доску, белизна которой странно оттеняла черный резной дуб подставки. Былое общественное положение обитателей дома распознавалось по этому предмету с той же точностью, с какой дом дворянина узнают по висящим в нем старым щитам и шлемам. Когда-то каждый зажиточный крестьянин, чьи права на землю значились в бумагах поместного суда или были по крайней мере неоспоримее, чем у простого арендатора, считал необходимым приобрести пару таких скамей для гробов своих близких. Однако в последних поколениях мысль *cui bono* (кому это нужно?) вытеснила привязанность к старому обычаю, и скамьи для гробов теперь часто использовали так, как мы это только что описали.

Девушка на мгновение отложила в сторону секач и осмотрела отнюдь не жесткую и не грубую ладонь правой руки, которая, в отличие от левой, не была защищена рукавицей.

Ладонь была красная и в водяных мозолях: стругание веток явно не относилось к числу ее привычных занятий. Как у множества людей физического труда, в очертаниях руки этой девушки не было ничего подтверждавшего расхожее мнение, что происхождение человека — от высокого до самого низкого — неизменно сказывается на форме руки. Лишь волей случая пришлось ей готовить кровельный прут, и пальцы, обхватившие тяжелую ясеневую рукоятку, могли бы уверенно вести перо по бумаге или трогать струны, будь они приучены к этому в должное время.

Лицо ее было исполнено той одухотворенности, которая рождается одиночеством. Взгляды множества людей

словно стирают с лица индивидуальность, обкатывают его, как волна камень. Но в тихих водах уединенной жизни каждое чувство и мысль распускаются с той откровенностью, какую можно увидеть разве что на лице ребенка. Лет ей было не более девятнадцати-двадцати, однако необходимость рано задумываться над жизнью придала очертаниям ее почти детского лица преждевременную законченность. Эта девушка не претендовала на красоту, но одно бросалось в глаза сразу — волосы, густые и непослушные до неукротимости. В зареве очага они казались темно-коричневыми, однако при свете дня выяснилось бы, что их истинный цвет — редкий и роскошный оттенок каштанового.

От этого дара, поднесенного временем своей жертве, и не мог отвести взгляда пришелец, а пальцы его правой руки машинально поигрывали ножницами, что были засунуты в жилет и на чьем блестящем металле слабо горел отсвет пламени из очага. Мысленно парикмахер уподобил девушку за работой великолепному полотну позднего Возрождения. Волосы ее были выписаны ярко и отчетливо, лицо же, плечи, руки и вся фигура, будучи скоплением маловажных деталей, терялись в тени.

Не колеблясь более, он постучал в дверь и вошел в комнату. Песок, которым был посыпан пол, захрустел под его ногами, девушка оглянулась и, побледнев, воскликнула:

— Ах, мистер Перкомб, как вы меня напугали!

— Закрывай дверь плотнее — и не напугаешься.

— Не могу, — сказала она, — печь дымит. Мистер Перкомб, когда вы не у себя в парикмахерской, у вас такой забавный вид — ну точь-в-точь канарейка на боярышнике. Вы ведь сюда не из-за меня пришли, не из-за того...

— Нет, я как раз пришел из-за этого самого. — Он коснулся ее головы своей тростью, и девушка содрогнулась. — Ты согласна? — продолжил он. — Мне надо знать это сейчас же. Дама скоро уедет, а на работу мне нужно время.

— Не торопите меня, прошу вас. Я уж думала, что вы забыли. Я не могу расстаться с ними — нет, нет!

— Послушай, Марти, — сказал парикмахер, присаживаясь на столик, сделанный из скамейки. — Сколько тебе платят за этот прут?

— Тсс! Отец наверху не спит. Он не знает, что я делаю работу за него.

— Так сколько тебе за это платят? — повторил вопрос парикмахер, понизив голос.

— Восемнадцать пенсов за тысячу, — неохотно ответила она.

— А для кого ты их делаешь?

— Для мистера Мелбери, лесоторговца, что живет тут неподалеку.

— Сколько же ты их можешь сделать за день?

— За день и полночи — три связки. Это полторы тысячи.

— Два шиллинга с четвертью. — Парикмахер помолчал, вычисляя ту наименьшую сумму, которой можно было бы победить сопротивление бедности и женскую любовь к красоте. — Взгляни-ка, вот соверен — золотой соверен, почти новенький. — Он держал монету между указательным и большим пальцами. — Это ровно столько, сколько ты получаешь за полторы недели мужского труда. Соверен твой, если ты позволишь состричь то, чего у тебя и так слишком много.

Грудь девушки вздымалась.

— Почему эта дама не обратилась к кому-нибудь другому? Может, другой девушке это было бы безразлично. Почему именно ко мне? — воскликнула Марти.

— Глупышка, да потому, что у тебя волосы точь-в-точь как у нее, а этого не добьешься никакой краской. Ты ведь мне не откажешь — я же нарочно приехал сюда из Шертон.

— Я... я не продам их ни вам, ни кому другому.

— Послушай. — Он придвинулся поближе к ней. — Дама очень богата, ей не жалко прибавить несколько шиллингов — беру это на себя, я дам тебе соверен и два шиллинга, только чтобы не возвращаться с пустыми руками.

— Нет-нет-нет! — волнуясь, заговорила она. — Вы искуситель, мистер Перкомб. Вы как дьявол, искушающий доктора Фаустуса, из книжки! Я не хочу ваших денег, я не согласна! Зачем вы пришли? Когда вы привели меня в парикмахерскую и начали уговаривать, я сразу сказала, что ни за что не продам свои волосы! — Она говорила горячо и решительно.

— Марти, послушай меня внимательно. Твои волосы крайне нужны этой даме. Между нами говоря, лучше б ты с ними рассталась. Худо тебе будет, если ты ей не удружишь.

— Худо? А кто она такая?

Парикмахер молчал, и девушка повторила вопрос.

— Я не имею права говорить. Но она скоро уедет за границу, так не все ли тебе равно?

— Она хочет взять с собой за границу мои волосы?

Перкомб кивнул, и девушка задумчиво посмотрев на него, сказала:

— Парикмахер Перкомб, я знаю, кто эта дама. Это миссис Чармонд из Хинток-хауса.

— Пока это мой секрет. Отдай волосы, и я тебе его открою.

— Не отдам, пока не узнаю правду. Это миссис Чармонд?

Парикмахер понизил голос:

— Ну... да, она. Вы в церкви сидели почти рядом, и она заметила, что у тебя волосы точь-в-точь как у нее. Вот ей и взбрело на ум купить их. Но она наденет шиньон не раньше, чем окажется за границей, а там никто не заметит перемены. Мне поручено сделать шиньон. Я бы не потащился на край света, если б меня не послала такая

важная особа. Теперь учти: она откажется от моих услуг, если узнает, что я выболтал ее тайну, — и поклянись, что ничего никому не скажешь. Иначе мне несдобровать.

— Я и не собираюсь ничего говорить, — сухо ответила Марти. — Но мои волосы принадлежат мне, и я с ними ни за что не расстанусь.

— Я тебе все рассказал, а ты мне отказываешь. Это нечестно! — воскликнул уязвленный парикмахер. — Рассуди, Марти, ты с ней в одном приходе, живешь в доме, которым она владеет, твой отец болен, и ему не захочется покидать эти стены. Тебе бы следовало ее уважить. Я говорю это как друг. Я ведь не требую ответа сейчас же. Завтра по дороге на рынок загляни ко мне. Когда все хорошенько обдумаешь, ты без колебаний отдашь то, что мне нужно.

— Мне вам нечего больше сказать, — прежним тоном ответила девушка.

Парикмахер понял, что дальше убеждать ее словами бесполезно.

— Я знаю, что на тебя можно положиться, — сказал он. — Я оставлю здесь эти соверены для красоты, чтобы ты могла на них как следует полюбоваться. Завтра принесешь мне свои волосы или вернешь золотые. — Он поставил монеты ребром за рамку небольшого зеркала. — Хочу надеяться, что ты принесешь волосы — так будет лучше и для тебя и для меня. Я и сам думаю, что она могла бы обойтись без твоей помощи, да уж раз она вбила себе это в голову, то приходится ей потакать. Если вздумаешь срезать их сама, то постарайся не перепутать пряди. Вот как это делается...

— Я не буду, — ответила она кратко и безразлично. — Я сама хочу быть красивой. Даме нужны мои волосы, чтобы привлечь нового поклонника. Говорят, она разбила немало сердец.

— Боже, удивительно, как ты догадлива, Марти, — сказал парикмахер. — Знающие люди говорят, что у нее

и вправду есть на примете один иностранный джентльмен. Как бы то ни было, помни мою просьбу.

— Пусть завлекает любовников без моей помощи.

Перкомб, стоявший уже в дверях, вернулся, положил свою трость на подставку для гроба и взглянул девушке прямо в лицо.

— Марти Саут, — сказал он нарочито отчетливо, — у тебя у самой есть любовник, поэтому ты не хочешь расставаться с волосами!

Она покраснела, но это был тот румянец, который только подчеркивает красоту. Натянув желтую кожаную рукавицу на левую руку, в правую она взяла секач, повернулась спиной к посетителю и вновь упрямо углубилась в работу. Некоторое время он смотрел на нее, затем пошел к дверям и, еще раз оглянувшись, переступил порог.

Несколько минут Марти продолжала работать, затем решительно отложила секач, встала и направилась к двери в глубине комнаты, за которой открывались добела выскобленные ступеньки. Поднявшись по лестнице, она на цыпочках приблизилась к двери спальни и, не открывая ее, спросила:

— Отец, тебе ничего не надо?

Слабый голос ответил, что ничего не надо, и добавил:

— Если бы не это дерево, я к утру был бы совсем здоров!

— Опять дерево — вечно это дерево! Успокойся, отец! Ты же знаешь, что оно не может тебе повредить.

— С кем ты там разговаривала?

— Заходил человек из Шертон — ничего важного, — заверила она старика. — Отец, может миссис Чармонд выгнать нас из дому, если захочет?

— Выгнать? Нет. Никто не может выгнать нас, пока моя бедная душа не расстанется с телом. Я арендовал дом пожизненно, как и Джон Уинтерборн. Дом перейдет к ней, когда я умру, не раньше. — Голос старика прозвучал

разумно и внятно. — Пока меня не убьет это дерево, — продолжал он плаксиво.

— Полно, ты ведь знаешь, что это чепуха. — Она не стала продолжать разговор и спустилась по лестнице вниз. — В таком случае слава богу, — сказала она себе. — Мое у меня и останется.

Глава 3

Дом за домом огни деревушки гасли, и вот в темноте их осталось всего два. Один из них светился в большом доме на склоне холма — о нем мы пока умолчим, — другой — в окне Марти Саут. Однако, когда часы пробили десять, она встала и задернула окно плотной холщовой занавеской. Тогда снаружи показалось, что свет погас и в ее доме. Только дверь у нее, как и у многих соседей, оставалась приоткрытой из-за дыма, наполнявшего комнату, но, чтобы свет не падал на улицу, она занавесила холстиной и дверь. Марти была из тех, кто предпочитает скрывать от соседей трудности, и не хотела показывать, что ей приходится засиживаться допоздна; лишь по невнятному треску ветвей случайный прохожий мог догадаться, что в этом доме не спят.

Пробило одиннадцать, двенадцать, потом час; груда кровельного прута росла, увеличивалась и куча обрезков. Наконец свет на холме погас, а она все работала. Ночь за окном стала еще холодней, девушка начала зябнуть и, чтобы спастись от ветра, отгородилась от двери большим голубым зонтиком. Два соверена выглядывали из-за рамочки зеркала, словно пара подстерегающих желтых глаз. Переводя дыхание, Марти на мгновение отрывалась от работы и задерживалась взглядом на монетах, но тут же отводила глаза и касалась пальцами прядей, словно желая удостовериться, что они целы и невредимы. Когда пробило три, она встала и присоединила последнюю вязанку к тем, что уже были сложены у стены.

Накинув на плечи красный шерстяной платок, она открыла дверь. Необъятная ночь встретила ее на пороге; за его гранью словно разверзлась вселенская пустота, предшествовавшая сотворению мира, Гиннунг-гэп* из легенд ее предков датчан. Мрак показался Марти особенно непроглядным, так как глаза ее только что были обращены к пламени очага, на улице же не горело ни одного фонаря, который мог бы смягчить переход от света комнаты к тьме ночи. Ленивый ветерок доносил из леса неподалеку скрип трущихся друг о друга веток с уснувшими птицами, доносил превращенную в звуки печаль деревьев, уханье сов, глухое трепыханье крыльев лесного голубя, неловко устроившегося на ночлег.

Но глаза ее скоро привыкли к темноте. Она взяла две вязанки прутьев и, определяя путь по темным зубчатым вершинам деревьев, вырисовывавшимся на более светлом небе, отнесла их под длинный сарай, окруженный ковром из опавших листьев, который был в сотне ярдов от дома. Ночь — очень странное существо: в четырех стенах побуждает человека к губительному самоанализу и вселяет недоверие к себе, и та же ночь под открытым небом гонит душевную тревогу, представляя ее недостойной внимания. Ночь умиротворила Марти Саут, и ее движения стали спокойней и уверенней. Опустив вязанки наземь, она возвратилась в дом за следующими двумя, и так перетаскала в сарай все плоды своего труда.

Это строение было каретным сараем главного из местных дельцов, мистера Мелбери, лесоторговца и поставщика всевозможных изделий из дерева; на мистера Мелбери и работал отец Марти, получая за труды сдельно. Сарай принадлежал к многочисленным службам, беспорядочно разбросанным вокруг дома мистера Мелбери, столь

* Гиннунг-гэп — в древнескандинавской мифологии «зияющая пропасть» между царством холода и царством огня, хаос, из которого возник мир. — *Здесь и далее примеч. пер.*